

На пятый день пребывания в больнице лихорадка наконец спала, воспаление начало отступать, и Фу Гэ медленно пришёл в себя.

Но бодрствовал он совсем недолго. Каждый день его глаза открывались лишь на пару часов, после чего он снова погружался в глухое, изматывающее забытье.

Он напоминал птичку, заточённую в высокой башне, с переломанными крыльями и поблекшими глазами, что уже не могли различать, где небо, а где каменные стены.

Цепи давно были сняты, никто больше не удерживал его силой. Но Фу Гэ не решался пошевелиться, будто любое движение грозило сбросить его в бездну.

Тело медленно заживало, но разорванная в клочья душа лишь сильнее кровоточила.

Галлюцинации становились только хуже. Реальность и прошлое переплелись так крепко, что Фу Гэ уже не мог понять, где настоящее, а где тени воспоминаний.

Чаще всего он приходил в себя к вечеру, садился на кровати, поджимая под себя колени, и шептал что-то в пустоту перед собой.

Иногда он рассказывал про баскетбол, вспоминая, как во вторую неделю после их знакомства Ци Хань получил мячом по голове.

Иногда про рисование — жаловался, что никак не мог нарисовать закат, потому что взгляд всё время непроизвольно уходил в сторону.

А иногда — совсем редко — говорил про господина. Тогда голос его становился почти благоговейным, мягким и тёплым, и он спрашивал с таким трепетом:

— Вы сегодня вернётесь домой?

Ци Хань хотел ответить. Хотел ворваться в эту палату, прижать его к себе и прошептать: “Вернись. Сегодня, завтра, всегда. Я больше не оставлю тебя одного.”

Но ноги не слушались. Он не мог заставить себя сделать даже шаг к двери. Потому что чаще всего в грезах Фу Гэ всплывала их свадьба.

— А-Хань, я сегодня ходил к одному мастеру китайской выпечки и попросил его научить меня готовить десерты.

Маленький бета, свернувшись калачиком, подперев подбородок коленями, чуть наклонил

голову набок и, счастливо улыбаясь, спросил у пустоты перед собой:

— А можно я сам испеку свадебные пирожные для нашей свадьбы?

Ци Хань стоял снаружи, упираясь лбом в одностороннее стекло, через которое видел каждый жест, но сам оставался невидимым. Блютуз-гарнитура давила в ухо, но намного сильнее жгло сердце:

— Конечно... Если Гэ хочет... то пусть печёт... Я помогу тебе, испечём вместе...

Фу Гэ не мог его видеть. Он лишь продолжал говорить с пустотой перед собой, с тем единственным, кто был рядом в его хрупких грёзах.

— Я сегодня снова заходил в зал, где будет свадьба. Знаешь, я заметил, что у входа только розы и лилии. Я подумал, что было бы здорово добавить пару цветов боярышника.

Ци Хань прижался ладонью к стеклу, не в силах сдержать дрожь. Он кивал снова и снова, как будто от этого что-то могло измениться:

— Конечно... Как скажешь, Гэ. Я сам сорву их для тебя, прямо сегодня...

В палате Фу Гэ медленно сменил позу, приподнял голову. Перебинтованные пальцы легко стучали по коленям, а на лице мелькнул застенчивый румянец.

— Я ещё встретил нашего учителя по рисованию из старшей школы. Пригласил его на нашу свадьбу. А знаешь, что он сказал? Что мы — самая смелая пара, которую он встречал. Восемнадцать лет и уже решили обручиться навсегда.

Он улыбнулся, и глаза его светились такой детской гордостью:

— А я ему сказал, что мне нечего бояться, потому что у меня самый лучший альфа в мире.

— Я не лучший... — губы Ци Ханя дрожали, он повторял эти слова, как заклинание, снова и снова: — Я совсем не лучший... Малыш, хватит, прошу... Хватит так сильно меня любить...

Но Фу Гэ не слышал его.

Он уже давно потерял всё, кроме обрывков тех счастливых воспоминаний, которыми жил каждый день.

— Я так жду нашей свадьбы... — шептал Фу Гэ, обнимая себя тонкими руками, будто пытался

согреться. — Хочу прямо сейчас обручиться, а потом сразу пожениться. А в медовый месяц снова поехать в Тибет, надо ведь исполнить обещание.

— И я вот думаю... Слава богу, что в феврале всего двадцать восемь дней, значит, свадьба будет быстрее. Но иногда мне кажется, почему в феврале только двадцать восемь дней, а? Я так не могу дождаться...

— Я, наверное, слишком нетерпеливый, да? Ты только не смейся надо мной.

Ци Хань зажмурился ещё крепче, зубы скрежетали от боли.

Мишка в видениях Фу Гэ вдруг словно сдвинулся, и он, повинувшись этому движению, медленно повернулся, глядя в сторону стеклянного окна.

И в тот же миг их взгляды встретились.

Ци Хань застыл по ту сторону стекла, и мир вокруг будто разлетелся на куски. Их разделяло это проклятое одностороннее стекло, через которое Ци Хань видел его насквозь, но Фу Гэ не мог заметить даже силуэт.

— На самом деле, я не просто так так тороплюсь, — мягко проговорил Фу Гэ, прижимая ладонь к животу. Его глаза выгнулись тонкими полумесяцами, а на губах расцвела застенчивая, тёплая улыбка. — Я просто приготовил для тебя один маленький сюрприз и уже не могу дождаться, чтобы рассказать.

Фу Гэ гладил свой живот с такой бережностью, что пальцы почти не касались ткани больничной пижамы. Глаза его светились так мягко, что от этой тихой радости хотелось умереть.

— На мне осталась твоя постоянная метка.

— Я знаю... я знаю, Сяо Гэ, я знаю... —

Голос Ци Ханя сорвался на хрип, он кивал снова и снова, так яростно, будто это могло что-то исправить.

И тогда случилось нечто странное, почти невозможное. Впервые за пять лет их голоса прозвучали в унисон, совпав так точно, будто никогда и не расходились.

Фу Гэ:

— Кажется, это было тогда, во время той самой восприимчивости.

Ци Хань:

— Во время той восприимчивости, да?..

Фу Гэ:

— Сначала я испугался, но потом понял, что это метка. Я хотел сделать тебе сюрприз.

Ци Хань:

— Сначала малыш испугался, потом понял, что это метка... хотел сделать мне сюрприз?..

— Бах! — Глухой удар эхом прокатился по коридору — кулак Ци Ханя со всей силы врезался в стекло.

Альфа сполз вниз, оседая под окном, запутавшись в собственной агонии.

Он был как дракон, потерявший своё сокровище, рыдающий над пустым, обглоданным временем логовом.

Той ночью, дождавшись, пока Фу Гэ крепко уснёт, Ци Хань бесшумно открыл дверь палаты и зашёл внутрь. Он медленно опустился на стул у кровати и застыл, глядя на него.

Фу Гэ сильно похудел. Тонкие плечи, острые ключицы, бледная, почти прозрачная кожа с болезненным синеватым оттенком.

На левом боку, у самого бедра, под тонкой тканью больничной пижамы, Ци Хань заметил тёмный, неровный шрам — едва пол фаланги в длину, но настолько грубый и уродливый, что при одном взгляде в груди всё сжалось.

Шрам от операции по удалению метки.

Ци Хань медленно придвинулся ближе, пальцы дрожали, когда он осторожно раздвинул ткань и приник губами к этому шраму. Тёплые поцелуи ложились один за другим, словно он пытался стереть эту страшную правду.

— Сяо Гэ... оно ещё болит?.. — хрипло прошептал он.

— Врач сказал, что во время операции им пришлось срезать все ткани, куда впитались мои феромоны... Сказал, что это было... будто кожу живьём сдирали. Тебе дали обезболивающее?

— Это сильно болело, да?.. — голос Ци Ханя был таким глухим, что он сам себя не узнал. — Ты, наверное, ненавидел меня тогда... Сильно ненавидел, да?..

Но не успел он договорить, как тело под ним дёрнулось, словно от удара. Фу Гэ распахнул глаза, полные растерянности и ужаса. На секунду в них мелькнуло непонимание, затем — леденящий страх, и, наконец, такая всепоглощающая ненависть, что сердце Ци Ханя буквально остановилось.

— Убирайся! Убирайся к чёрту! Не трогай меня! —

Фу Гэ закричал истошно, визгливо, словно смертельно раненый зверёк, и, не разбирая, куда бьёт, яростно замолотил руками и ногами, пытаясь сбросить с себя Ци Ханя. Но сил не хватило, и от резкого движения он сам рухнул на пол, едва не ударившись головой о тумбочку.

Ци Хань метнулся за ним, инстинктивно подхватывая его за талию. В следующий миг что-то блеснуло серебром в воздухе, и резкая боль взорвалась в плече.

Фу Гэ, не разобравшись, всадил столовую вилку прямо в ещё не зажившую рану, насквозь пробив бинты. Острые зубцы вошли до самого основания, и из пореза тут же брызнула горячая кровь.

Фу Гэ замер, глядя на это, как загипнотизированный. Он не понимал, кто сейчас перед ним: тот самый альфа, что когда-то прижимал его к себе с такой нежностью, или палач, что разрушил всё до основания.

— Ёкарный бабай! Ты что творишь?! Живо отпусти его! —

В палату вломился Чэнь Син с охранниками. Увидев их на полу, да ещё и с вилкой, торчащей из плеча Ци Ханя, он застыл с отвисшей челюстью.

Охранники сразу кинулись к кровати, пытаясь скрутить Фу Гэ, но Ци Хань резко развернулся, заслоняя его собой, и прохрипел:

— Вон.

— Ты, мать твою, с ума сошёл?! — Чэнь Син побледнел. — Он только что чуть не убил тебя!

— Я сказал: вон! — голос Ци Ханя срывался, но глаза были холодными и решительными.

— Да пошел ты! — Чэнь Син плюнул и выругался, махнул рукой охранникам и вылетел из палаты, громко хлопнув дверью.

Боль была такой сильной, что ноги подкашивались, а лоб покрылся крупными каплями пота. Но Ци Хань не проронил ни звука. Он всё так же прижимал Фу Гэ к себе.

Вилка глубоко вошла в плечо, и кровь капала на пальцы Фу Гэ, оставляя на его бледной коже зловещие пятна.

Ци Хань сдержанно улыбнулся, голос был тихим и таким ласковым, что от него хотелось плакать:

— Всё хорошо, Сяо Гэ... Ничего страшного... Просто отпусти вилку, ладно?.. Тихонько...

Он придерживал вилку левой рукой, а правой осторожно разжимал побелевшие от напряжения пальцы Фу Гэ, боясь сделать хоть что-то не так. Каждое движение было медленным и аккуратным, как будто он боялся, что Фу Гэ снова отдернется, как испуганный зверёк.

— Ну же... Тихонько... Потихоньку... Я с тобой, всё хорошо...

Пальцы Фу Гэ наконец дрогнули и разжались, и вилка выпала, громко стукнувшись о пол. Он замер, широко распахнутыми глазами глядя на кровь, что стекала по его собственным запястьям. Губы дрожали, и, сам того не замечая, он вдруг всхлипнул.

— Ты... Ты истекаешь кровью... — прошептал он, слёзы покатались по щекам, и голос сорвался, как у маленького ребёнка.

А Ци Хань только покачал головой, проводя пальцами по его волосам, и срывающимся шёпотом ответил:

— Это ничего... Это не важно, правда... Ты только не плачь, ладно?

Но Фу Гэ вдруг поднял покрасневшие глаза и ровно спросил:

— Почему столько крови... и ты всё ещё не сдох?

Пальцы Ци Ханя дрогнули. Он застыл, как статуя, и на секунду показалось, что даже дышать забыл.

Тишина тянулась мучительно долго. В конце концов он медленно опустил руку, на губах заиграла кривая, жалкая улыбка.

Он посмотрел на Фу Гэ, потом на своё плечо и, крепко сжав зубы, резко дёрнул вилку.

Серебряные зубцы вышли с неприятным хлюпающим звуком. Вилка звякнула о пол, и Фу Гэ дёрнулся, словно этот звук был невыносимее самого ужасающего крика.

— Прости... — пробормотал Ци Хань, глухо, почти беззвучно. — Я не хотел тебя напугать.

— Пол холодный. Давай встанем, ладно?.. — прошептал он и, покачнувшись, вытер окровавленные пальцы салфеткой как придётся, затем протянул руку, чтобы помочь Фу Гэ подняться.

— Не подходи! Не трогай меня!

Маленький бета в ужасе пополз назад, опираясь на руки и ноги, как загнанное в угол животное.

Он бился и вырывался, пинался изо всех сил, и несколько ударов пришлись прямо в рану на плече. Ци Хань приглушённо застонал, стиснул зубы так сильно, что челюсть затрещала.

— Сяо Гэ... Я не буду... Не буду ничего делать, правда... — хрипел он, не смея сдвинуться с места. — Пол холодный, а врач сказал, что тебе нельзя переохлаждаться... Пожалуйста, не плачь...

Фу Гэ всхлипывал, отрицательно мотая головой. Он судорожно сжимал пальцами полу распахнутой больничной пижамы, тщетно пытаясь закрыться, и хрипло шептал:

— Не надо... Уйди... Я не могу... Я не хочу больше...

Он думал, что Ци Хань хочет продолжить ту чудовищную “игру” из заброшенного здания. Поэтому, дрожа, пятился в угол, как загнанное животное, но сколько бы он ни отступал, не было ни одного места, где можно было бы спрятаться. Везде за спиной был Ци Хань — его тяжёлый взгляд, холодные, пустые глаза.

И тогда Фу Гэ перестал бороться. Безднадёжно опустил голову, пальцы судорожно вцепились в ткань, обдирая ногтями собственные ладони, и тихо прошептал:

— Это ведь больница... — его голос был тихим, сорванным, полным яда. — Ты что, даже здесь не можешь оставить меня в покое? Как ещё ты собираешься меня унижать, чтобы тебе стало легче?..

— Нет, нет, Сяо Гэ... Я не это... Я просто хотел помочь тебе встать...

Фу Гэ не поверил. Его подбородок дёргался от беззвучных рыданий, слёзы душили.

— Помочь?.. А как тогда? Снова сорвать с меня одежду и бросить на пол, чтобы любой мог увидеть? Или снова найти каких-нибудь жирных стариков, чтобы я наливал им выпивку и улыбался, как последний...

Он поднял затуманенные слезами глаза, губы дрожали, и голос сломался на безнадёжный крик:

— Ци Хань... Я тоже человек. Я не настолько ничтожен...

— Прости, Сяо Гэ... Я виноват... Я всё знаю, я наконец всё понял...

— Я знаю про рукописи, про этот знак... про альбом... про тот переулок... про...

Голос сорвался.

— ...про Мишку... Я всё понял, я ошибся, я...

— Ты знаешь?.. — Фу Гэ вдруг коротко, истерично рассмеялся.

Голос его был тихим, но в каждом слове звенела такая безысходность, что даже воздух в палате казался вязким и тяжёлым.

— Какой теперь от этого толк?.. — Фу Гэ медленно поднял на него глаза — пустые, как у мертвеца. — Я уже стал вот таким...

Слёзы скатывались по его щекам, крупные, горячие, смешиваясь с кровью на губах. А Ци Хань стоял на коленях, не смея даже вздохнуть.

— Я всё исправлю... Сяо Гэ, я всё изменю, клянусь...

Голос Ци Ханя дрожал. Он медленно протянул руку вперёд, будто боялся, что она разобьётся прямо в воздухе, и выдавил с таким отчаянием, что слова срывались на шёпот:

— Я буду с тобой, пока всё не заживёт. И тело, и душа... Мы будем медленно, шаг за шагом, хорошо? Я всегда буду любить тебя, как твой маленький Мишка.

— НЕ СМЕЙ О НЁМ ГОВОРИТЬ!

Фу Гэ в ярости схватил ближайшую вазу и со всей силы запустил её прямо в лицо Ци Ханю.

Ци Хань пошатнулся. Резкая боль вспыхнула в голове, мир поплыл перед глазами, но он стиснул зубы, опираясь на край кровати, чтобы не упасть.

— Мы одно целое, Сяо Гэ, — голос его был хриплым. — Я и есть твой Мишка... Ты не можешь оставить меня и выбрать его...

Фу Гэ смотрел на него мутными, размытыми глазами, заблудившимися в этом сне, в этом кошмаре.

Он покачал головой:

— Мой мистер Мишка давно умер... Он не любил меня. Никогда не любил. Он с самого начала просто использовал меня.

— Нет! Нет, это не так! Я люблю тебя, Сяо Гэ, я всегда любил, я думал, что ты предал, я ошибался, я... —

— Да, ты много чего говорил.

Фу Гэ рассмеялся. Слезы стекали по его щекам, а глаза были такими пустыми, что от них сводило дыхание.

— Ты сказал, что за грехи отцов должны платить дети. Сказал, что мне так и надо, что я родился в семье Фу. Сказал, что я заодно с Фу Чжэньином, что если они мучили тебя четырнадцать дней, то и я должен испытать то же. Ты сказал, что это моя вина, потому что я родился не в том теле...

Ци Хань застыл. Колени задрожали, руки упали, как плети. Он смотрел на Фу Гэ, и сердце сжималось так больно, что казалось, ещё секунда — и оно просто остановится.

— Но, Ци Хань, ты с самого начала всё понял неправильно.

Фу Гэ медленно закрыл глаза, голос его был тихим, ровным, будто он говорил о чём-то совсем незначительном, хотя слова били точно в сердце.

— В семь лет мой отец погиб, Фу Чжэньин, его так называемый друг, получил за моё опеку огромную сумму денег и только тогда согласился взять меня. Я никогда не был его сыном.

Ци Хань застыл. Он стоял на коленях, всё ещё крепко сжимая окровавленные пальцы, но кровь мгновенно отхлынула от лица.

Фу Гэ медленно опёрся на стену, пошатываясь поднялся на ноги и, шатаясь, подошёл ближе.

— Ты думал, что мстишь сыну убийцы своего отца? — тихо спросил Фу Гэ, всматриваясь в его глаза. — Но между нами никогда не было никакой вражды.

Ци Хань медленно побледнел, как будто из него одновременно вытянули всю кровь и весь воздух.

— Они уничтожили тебя.

Он посмотрел ему прямо в глаза, голос был ровным, пустым, безжизненным.

— А ты уничтожил меня.

Фу Гэ разжал пальцы и медленно выпрямился. Лицо его было пустым, как у марионетки, у которой оторвали нити. Он развернулся и, не оглядываясь, пошёл к двери.

<http://bllate.org/book/14453/1278311>